

сам порядок всего моего оправдания требует, чтобы я показал, что меня на это толкала природная любовь к родной речи; а это и есть третье и последнее основание, которым я руководствовался. Я утверждаю, что природная любовь побуждает любящего: во-первых, возвеличивать любимое, во-вторых, его ревновать и, в-третьих, его защищать; и нет человека, который не видел бы, что постоянно так и случается. Все эти три побуждения и заставили меня выбрать наш народный язык, который я по причинам, свойственным мне от природы, а также привходящим люблю и всегда любил. Прежде всего любовь побудила меня его возвеличивать. Можно возвеличивать или превозносить многие стороны вещей, но ничто так не возносит, как величие собственной добродетели, которая есть мать и блюстительница других величий. Поэтому не может человек обладать большим величием, чем величие, проистекающее из собственных его деяний, основанных на доброй его сущности. Эта добрая сущность преобразует и сохраняет величие истинных почестей и знаний, воздает истинную честь. От нее зависят подлинная власть и подлинное богатство. Она приводит истинных друзей, она стяжает нелживую и светлую славу. Такое именно величие я дарю этому другу – народному языку. Добрую сущность его, которой он обладал потенциально и втайне, я привожу в действие и делаю всем явной в его собственных проявлениях, обнаруживая способность народного языка выражать замыслы.

Кроме того, любовь заставила меня ревновать. Ревность к другу внушает человеку постоянную о нем заботу. Предполагая, что желание понять эти канцоны заставило бы какого-нибудь некнижного человека перевести латинский комментарий на язык народный, и опасаясь, что народный язык будет кем-нибудь изуродован, как это сделал Таддео Гиппократист, который перевел с латинского «Этику», я предусмотрительно применил народный, полагаясь больше на самого себя, чем на кого-либо другого. Любовь заставила меня также защищать его от многих обвинителей, которые его презирают и восхваляют другие народные языки, в особенности язык «ок», говоря, что он красивее и лучше, и тем самым отклоняются от истины. Великие достоинства народного языка «си» обнаружатся благодаря настоящему комментарию, где выявится его способность раскрывать почти как в латинском смысл самых высоких и самых необычных понятий подобающим, достаточным и изящным образом; эта его способность не могла должным образом проявиться в произведениях рифмованных вследствие связанных с ними случайных украшений, как-то рифма, ритм и упорядоченный размер, подобно тому как невозможно должным образом показать красоту женщины, когда красота убранства и нарядов вызывает большее восхищение, чем она сама. Всякий, кто хочет должным образом судить о женщине, пусть смотрит на нее тогда, когда она находится наедине со своей природной красотой, расставшись со всякими случайными украшениями; таков будет и настоящий комментарий, в котором обнаружится плавность слога, свойства построений и сладостные речи, из которых он слагается; и все это будет для внимательного наблюдателя исполнено сладчайшей и самой неотразимой красоты. И так как намерение показать недостатки и злокозненность обвинителей в высшей степени похвально, я для посрамления тех, кто обвиняет италийское наречие, скажу о том, что побуждает их поступать таким образом, дабы бесчестие их стало более явным.

XI.

Обрекая на вечный позор и унижение тех злонамеренных людей Италии, которые восхваляют чужой народный язык и презирают свой собственный, я утверждаю, что побуждают их к тому пять мерзостных причин. Первая – слепота, мешающая различать способности человека; вторая – лукавая отговорка; третья – алчное тщеславие; четвертая – суждение, полное зависти; пятая и последняя – подлость духа, то есть малодушие. И каждое из этих преступных свойств влечет за собой такое множество других, что мало встречается людей, которые были бы от них свободны.

О первой причине можно рассуждать следующим образом. Подобно тому как ощущающая часть души обладает собственным зрением, при помощи которого она воспринимает различия между предметами в зависимости от их внешней окраски, так и разумная ее часть обладает собственным взором, который воспринимает различие между предметами в зависимости от их предназначения для той или иной цели; а это и есть различающая способность. Слепота ведет человека лишь в те пределы, куда его худо, хорошо ли ведут другие; равным образом слепец,